

новится более реалистической, чем ранее, а военная сила шаг за шагом восстанавливает свою роль в международных отношениях.

Другой устойчивый тренд в международных отношениях связан с Россией. Ее внешняя политика и процесс ее формирования обретают все более явственный советский характер, что чревато целой серией кризисов по периферии российских границ. Западные политические круги и общественное мнение пока не придают этому особого значения, что можно объяснить финансовым кризисом в Европе, ситуацией вокруг Ирана и на Ближнем Востоке в целом, озабоченностью растущей мощью Китая и другими факторами, действующими уже многие годы. В итоге, вспышка конфронтации в восточной части Европы может оказаться неожиданной, а потому особенно неприятной.

Юрий Федоров

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: ВЕТЕР ПЕРЕМЕН ПЕРЕХОДИТ В ШТОРМ

Не исключено, что второе полугодие 2011 г. впоследствии получит в историографии название *полугодие перемен*. Действительно, глобальный политический ландшафт — и российские реалии, и ситуация на международной арене в отношении международных событий — изменился кардинально. Тектонические перемены происходили под аккомпанемент разговоров о том, что *сейчас ничего не будет*. А если не сейчас, то когда? И что в таком случае происходит *сейчас* и почему происходит именно это? Забавный каламбур, но в этом каламбуре, боюсь, скрыт большой подвох: постоянно убеждая себя в том, что *сейчас ничего не будет*, мы, прежде всего в России, почти пропустили момент, когда *все началось*. И пропустили не только политологи, но и политические элиты. А некоторые, как например евробюрократия, все еще пребывает в глубокой и непоколебимой уверенности в том, что *сейчас ничего не будет*, хотя европейская экономика полыхает, и похоже, что вот-вот полыхнет и политика. О потере мировой и в первую очередь европейской элитой стратегических ориентиров можно судить по абсолютно скучному, если хотите, *пресному* Давосу–2012. То есть идей о том, что делать завтра и послезавтра было много, но вот про то, *чем кончится все и какая в финале пребудет мораль*, как пел в свое время нынешний активист предвыборного штаба М. Прохорова А. Макаревич, почему-то никто ничего не сказал. Интересно, почему?

Самое главное, что изменилось за последние четыре-пять месяцев — это операционное поле мировой политики. Нам еще предстоит осознать и привыкнуть к новым реалиям. Но хотя бы перечислим некоторые новые реалии, которые пока кажутся бесспорными:

- ❑ выпадение Европы из числа глобальных игроков;
- ❑ превращение уже всего Ближнего Востока в очаг нестабильности;
- ❑ возникновение ситуации неопределенности в Северо-Восточной Азии, которая связана отнюдь не с кончиной Ким Чен Ира (ситуация в Японии, в действительности, дает куда больше поводов для размышления);
- ❑ замедление экономического роста в Китае при ренессансе в Пекине идей о силовом доминировании, которые пока проявляются в *поигрывании* военно-морскими мускулами;
- ❑ явные признаки новой волны нестабильности в Центральной Азии на фоне затухания военной активности в Афганистане с обеих сторон.

Согласитесь, такой масштаб перемен — это уже не просто претензия на глобальность. Это и есть глобальность. То есть мир становится другим, но пока не ясно, каким именно. Главное теперь — попытаться понять скрытую логику событий

и постараться найти ту точку, куда нас могут все эти события привести (ведь те, кто стоял за событиями последних месяцев, не всегда имеют возможность управлять последствиями запущенных процессов). Пока ветер перемен не перерос в ураган, можно заняться тактическими маневрами, в которых есть своя своеобразная логика. О логике мы и поговорим в данном обзоре.

НОВАЯ АМЕРИКАНСКАЯ ВОЕННАЯ ДОКТРИНА: ИСКУССТВО ВОЗМОЖНОГО

Как-то удивительно тихо и без особых дискуссий прошло обсуждение новой американской военной политики, которую под занавес своего пребывания во власти выдала *на гора* администрация Барака Обамы. Это и понятно — сейчас не до чтения написанного специфическим языком документа. Надо сказать, что документ производит впечатление добротного, но несколько наспех сделанного: к одной-двум правильным стратегическим центральным идеям подверстали несколько идей поменьше и разбавили словесной шелухой *для объема*: перед выборами необходимо хоть как-то демонстрировать избирателям, что администрация постоянно думает об обороноспособности США.

Отрешаясь от того, что конкретно написано в новой американской военной стратегии, следует обратить внимание на три важных особенности.

Первое. Назначение Ирана на почетную должность главного противника показательно и подчеркивает двойственность современной американской политики в сфере безопасности.

Конечно, так или иначе главную угрозу безопасности Америке пришлось бы огосударствлять — продолжение игр вокруг борьбы с *мировым терроризмом* выглядело как-то неубедительно и никак не объясняло существование тех вооруженных сил, которые США имеют, тем более в условиях кризиса. Однако выбор именно Ирана несет в себе один специфический *подводный камень*: главным противником стало государство, которое ни политически, ни военно-технически не может и еще очень долгое время не сможет угрожать США. Иран может угрожать только интересам США в крайне удаленном от их территории регионе, причем регионе, который объективно жизненно важным для США не является: импорт нефти из региона Персидского залива составляет заметную, но не опасную величину в 25% от общего потребления (лишь немногим меньше нефти США ввозят из Гви-

Дайан Джаятиллека (Шри-Ланка), посол Шри-Ланки во Франции, постоянный представитель Шри-Ланки при ЮНЕСКО, профессор — по электронной почте из Парижа: Сегодня происходят удивительные изменения в тенденциях исторического развития. Самым слабым звеном в цепи капиталистических стран становятся не традиционные страны азиатской периферии, а центр — Европа. Воздействие кризиса в зоне евро на Азию может быть расценено двояко. С одной стороны, снижение финансовых котировок на европейском и американском фондовых рынках делает уязвимыми экономики азиатских государств; с другой, европейский экономический кризис — это возможность для Азии укрепить свою экономическую основу и, возможно, даже обогнать Европу по показателям экономического роста. Для евразийских государств, например России, логичным решением на фоне кризиса евро было бы обратить взор к экономикам Востока, где начался процесс формирования нового центра силы в противовес западному. Подобным центром экономической и политической мощи в перспективе способны стать страны БРИКС.

нейского залива). Нестабильность в этих двух районах сразу действительно жестоко ударит по США. Конечно, наращивание США собственной нефтедобычи существенно смягчит негативные последствия, но только на некоторое время. Мы уже понимаем, что слово *Иран* было произнесено только ради того, чтобы еще некоторое время не произносить слово *Китай*. Выбор-то совсем не богатый.

Второе. Налицо кризис американской тактики ведения войны.

США успешно ведут бесконтактные боевые действия — достаточно посмотреть весьма убедительные результаты всех воздушных кампаний, которые США вели в последние 10 лет. Они неплохо осуществляют действия войск специального назначения. Но как только речь начинает идти о действиях относительно крупных контингентов сухопутных сил, о той самой воздушно-наземной операции, то начинаются проблемы. Вероятно, изменение американских военных приоритетов несколько запоздало — а беспилотников на всех врагов империи добра может и не хватить. Поэтому и отказ от концепции *двух примерно одновременных крупных региональных конфликтов*, который был основой американского военного планирования в последние почти 20 лет, выглядит вполне осмысленно и вполне вписывается в формулу *искусство возможного*.

Третье. Реальное американское военное планирование, судя по всему, исходит из того, что никаких союзников, которые смогут внести заметный вклад в обеспечение безопасности США и в защиту их интересов, попросту нет.

Во всяком случае постоянных. То есть существует определенный набор стран, которые считаются союзниками, и если они предоставят какие-то ресурсы для решения геополитических проблем США, то будет здорово. А если не предоставят — придется справляться без них. Но эта формула вообще-то действует и в другую сторону, то есть обязательства США перед союзниками также становятся несколько эфемерными. С теми силами, которые США предполагают иметь после *реформ Обамы*, обещать какие-либо серьезные гарантии безопасности по всему миру — очень наивно, и намек на снижение значимости формальных союзнических отношений для США в будущем сделан. США начинают фиксировать новый геополитический статус, подобно тому, как они фиксировали новый геополитический статус в первой половине 1970-х гг. нашумевшей *доктриной Никсона*, которая сыграла в целом положительную роль для американской внешней политики после Вьетнама.

В заключение хотел бы порекомендовать российским военным аналитикам повнимательнее изучить документ, появившийся в Вашингтоне. Нет, не для того, чтобы попытаться найти там следы *происков*, но для того, чтобы понять, что даже в условиях временного цейтнота, политической напряженности и слабо вменяемого, особенно в долгосрочном плане, руководства можно писать что-то если не выдающееся, то хотя бы читабельное.

ИРАНСКАЯ ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА: ОТВЛЕКАЮЩИЙ МАНЕВР?

Ситуация вокруг Ирана в последние несколько месяцев выглядит двойственно. *С одной стороны*, она продолжает оставаться наиболее серьезным публичным кризисным узлом в мировой политике. Причем узлом, который постоянно подпитывается новой информацией и новыми действиями всех участников конфликта. Порой странной бывает реакция мирового сообщества на некоторые события. К примеру, практически истерику вызвала информация о том, что Иран начал промышленное обогащение урана. А в чем, собственно, дело? Тегеран неоднократно заявлял, что создание национальной индустрии обогащения урана — его стратегическая цель и что никакие угрозы санкций ему не страшны. В любом случае, ни у кого нет сомнения в том, что именно ситуация вокруг Ирана и является сейчас самым главным в мировой политике процессом.

С другой стороны, чем больше нагнетается ситуация вокруг Ирана, тем больше возникает ощущение, что не в Иране дело. То есть Иран, конечно, перешел в своих

действиях определенную черту, после которой Запад в принципе не может оставаться безучастным. Но эти действия Ирана не являются принципиально важными. А принципиально важным является то обстоятельство, что в складывающейся на Ближнем и Среднем Востоке обстановке Иран сохранил максимальную свободу рук. И при определенных условиях (особенно обладая даже не ядерным оружием, а способностью создавать убедительную неопределенность вокруг данного вопроса) может сломать ту геополитическую комбинацию, которую с большим трудом и не без издержек встраивали американцы и саудовцы. Именно поэтому Иран обречен на изоляцию, а ситуация вокруг него — на дальнейшее обострение.

И тут возникает странный вопрос: а кому от этого хуже? Говорят, что экономические санкции очень жестко ударят по Тегерану. Это отчасти правда, но только отчасти. Санкции (прежде всего запрет на торговлю и использование счетов в европейских и американских банках) ударит по тем прослойкам иранского общества, которые были в наибольшей степени сориентированы на партнерство с ЕС и США. То есть получается, что Запад своими действиями подрывает позиции тех, кто мог бы при определенных условиях стать его союзниками. А вот армия, госслужащие и бюджетники, крестьянство и городские низшие классы, — иными словами, все те, кто и составляет в первом приближении *электорат* иранских радикалов, — пострадают гораздо меньше. Лишить Иран возможности экспорта нефти не получится: всегда будут страны, которые с удовольствием ее купят, есть также возможность контрабанды и продажи под чужими маркерами и в смеси с нефтью из других источников. Так почему же США (а понятно, что Евросоюз в данном случае играет подчиненную роль — чего еще ждать от образования, которое балансирует на грани экономического коллапса?) действуют в данном случае совершенно *в противоход* своей сегодняшней стратегической логике? Именно потому, что не в Иране дело, а в необходимости сделать так, чтобы Иран не смог вмешаться в действия американцев в регионе и выстраиванию системы управляемого конфликта вокруг Европы.

Эта логика, которая не подразумевает от США какого-то крупного задействования ресурсов, в том числе и военных — тем более что Барак Обама в нынешнем его состоянии вряд ли должны позволить серьезную войну с Ираном. Думаю, иранское руководство такую логику США понимает, принимает и действует соответственно, иногда даже подыгрывая американскому президенту. Тегеран понимает, что президент-республиканец подвинет ситуацию куда ближе к полноценному военному решению.

Современное иранское руководство далеко не так искусно в *балансировании на грани*, как северокорейские руководители, и внутренняя борьба в Иране, вероятно, существенно более обострена. Тегеран, несмотря на то что от него зачастую ждут действий, подобных действиям КНДР, пока ведет себя вполне адекватно. Конечно, экзальтированность иранского президента общеизвестна, но она как-то странно не выходит за определенные рамки и в конечном счете соответствует общему настроению иранского общества. Ну а о том, как профессионально, хотя и жестоко, иранское руководство подавило попытки прозападной оппозиции оспорить результаты всеобщих выборов, надо писать книги. Именно те события доказали, что у нынешнего иранского режима есть легитимность и она солидная. Поэтому, хотя угроза *цветной революции* в Иране существует, иранское руководство в своем геополитическом маневрировании будет действовать не в пример более уверенно, нежели все те, с кем США имели дело до того.

АРАБСКАЯ ЗИМА И ТУРЕЦКАЯ ВЕСНА

Было бы самым простым пуститься в банальные рассуждения о том, что сейчас народы арабских стран начинают пожинать порой разочаровывающие плоды революций. Такой подход в корне неверен, тем более что пока разочарования в арабских обществах не так уж и много. Конечно, ощущение того, что все пошло *как-то не так* уже есть, но оно меркнет по сравнению с ажиотажем политического процесса (а в Ливии — еще и по сравнению с процессом сведения счетов со сторонниками Каддафи и между собой) и ожиданием чего-то нового. Разочарование возникнет

Пал Дунай (Венгрия), руководитель программы по международной безопасности Женевского центра политики безопасности — по электронной почте из Будапешта: Ситуация в еврозоне ярко продемонстрировала, что политический истеблишмент в демократических сообществах способен действовать твердо и решительно только тогда, когда сталкивается с угрозой кризиса. Но принимаемые меры рассчитаны лишь на разрешение сиюминутных острых проявлений кризиса, чтобы минимизировать его распространение на всю еврозону. К тому же наличие в еврозоне единой монетарной политики, но отсутствие таковой в фискальной системе ведет к тому, что различные полномочные органы ЕС не в состоянии оказывать влияние на расходование средств странами-участницами и на формирование их государственных бюджетов.

Ведущую роль в спасении еврозоны играют Франция и Германия. Главным центром принятия решений является Франция, но *играть первую скрипку* в спасении еврозоны ей не удастся в связи с собственными финансовыми сложностями. Это вынуждает Париж следовать в фарватере решений Берлина. Несмотря на дипломатические усилия, предпринимаемые кабинетом Ангелы Меркель, налицо явное противоречие. Экономическая мощь Германии немыслима без усиления ее политического влияния, следовательно, раздражение, связанное с исторической памятью, в Евросоюзе будет только усиливаться. Очевидно, что даже в случае преодоления кризиса еврозоны, развитие государств Евросоюза не удастся вернуть на *единые рельсы*. Каждая страна будет двигаться в соответствии с собственным потенциалом экономического развития.

несколько позже, если *исламисты четвертой волны* не придумают некоей новой идеологической парадигмы (иными словами, внятно, доходчиво и привлекательно объяснят, *кого мочить*). С этой точки зрения мы просто не можем не вернуться к логике управляемого конфликта на Ближнем и Среднем Востоке.

Кажется, сейчас вся стратегическая подноготная *арабской весны* начинает выходить наружу. Нет, конечно, мы все понимаем, что главной причиной волнений и восстаний стало исключительно народное недовольство правящими по 20, 30, а то и 40 лет режимами. И люди, прочитав в *Facebook* про то, как ими помыкают, с чувством глубокого удовлетворения эти режимы свергли. И только один вопрос остается без ответа на фоне этой благостой картины — а деньги где? Где те несколько десятков миллиардов долларов, которые имелись на личных и полуличных счетах лидеров тех арабских стран, которые оказались в *зоне турбулентности*? Ведь если не считать бедного Йемена, все остальные государства так или иначе заработали на бурном росте цен на нефть, даже отнюдь не богатый нефтью Тунис. Нефтедоллары не вернуться на Ближний Восток (в Сирию, Алжир, тот же Бахрейн, даже в ставший, практически, витриной западной демократии Катар, да и в Саудовскую Аравию) из западных банков, прежде всего американских и британских. Куда пошли эти деньги? Во что оказались вложены? Какие банки и в каких странах были спасены от банкротства за счет этих денег (а ведь понятно, что в число этих структур вошли банки Франции и Италии)?

Вопросов, как обычно, много, ответов, как обычно, мало. Но главное, не в этом. Главное в том, что путем очень красивой, хотя и кровавой геополитической комбинации *под шумок* разговоров о грядущем экономическом кризисе был создан пылесос, который и дальше — следующие лет пять, а то и десять — будет исправно

выкачивать нефtedоллары с Ближнего Востока. И война с Ираном в данном случае совершенно не обязательна. Надо лишь постоянно говорить о том, что она вот-вот начнется. Ну а с этой задачей *Аль-Джазира* и американские СМИ справятся.

Главная проблема нынешней ситуации в арабском мире заключается в том, что большая часть игроков, включая иранцев и исключающая, быть может, сирийцев и *Хезболлу*, сейчас и именно сейчас заинтересована в конфликте в регионе. Причем большая часть из них считает, что этот конфликт удастся удержать в ограниченных рамках, а главное — контролировать последствия конфликта. А вот насколько это удастся сделать — большой вопрос. Но высокая, зашкаливающая рискованность действий всех участников *большой игры* говорит о том, что ситуация действительно острая.

А теперь главный вопрос — *насколько США заинтересованы в падении цен на нефть?* Традиционные оценки сводятся к тому, что для американской экономики главный рецепт роста — дешевый доллар и дешевая нефть. Может быть, это за последние 20 лет стало главным рецептом экономики Китая? Ведь это для экономики Китая лишние 5 долл. цены на нефть оборачиваются недобрыми 2% ВВП. Так может, именно поэтому США с таким упорством делают все, чтобы цены на нефть были высокие, набивая карманы российских олигархов и арабских нефтяных шейхов нефtedолларами, которые потом в той или иной степени возвращаются обратно в американскую экономику, в то время как в Китае действует принцип *ружь вход — два выход?* И тут главным становится вопрос, насколько США будут обладать силовым потенциалом, чтобы управлять ситуацией и не давать ей пойти в неблагоприятном направлении.

Направление это вполне понятно — это нефтяные порты в монархиях Персидского залива, в Оманском заливе и на Красном море. Гибкость военно-силовых возможностей США после вывода войск из Ирака несколько возросла, но не настолько, чтобы дать американцам возможность непринужденно управлять силовыми процессами на Ближнем Востоке в условиях фактической потери возможности оперирования с традиционных баз в Турции и Египте.

Конечно, было бы очень большой ошибкой представлять проамериканскую часть арабского мира, вернее, ту его часть, которая сейчас играет по американскому сценарию сплошными марионетками Вашингтона. Отнюдь. Понятно, что катарский эмир Хамад бин Халифа Ат-Тани, — это даже больше, чем марионетка Вашингтона. Он — человек, само выживание которого полностью зависит от благосклонности Вашингтона и Эр-Рияда. Долгосрочные планы Саудовской Аравии, которые почти наверняка отличаются от задумок наших американских друзей, вызывают большой интерес. Поскольку как-то с трудом верится, что у саудитов, которые ощущают на себе все большее давление со стороны радикальных исламистов, не имеется каких-то *наработок*, направленных на собственное выживание. Ведь любой вменяемый специалист по арабскому Востоку скажет, что после почти неминуемого падения режима Башара Асада и неизбежного прихода к власти в Иордании исламистов, более радикальных, нежели «Братья-мусульмане», взоры *арабских революционеров* неизбежно обратятся к странам Персидского залива. И не потому, что там пока еще нет демократии, а потому, что страны Персидского залива — последнее место на Ближнем Востоке, где к тому времени останется, что пограбить и поделить. Да и американцы будут не прочь вымести остатки нефtedолларов с Аравийского полуострова. Саудовская элита, которая при всей экзотичности даст фору многим во вменяемости, циничности и изворотливости, этого не понимать просто не можем.

Нельзя не затронуть ситуацию в Сирии. Да, наверное, Башар Асад проиграет. Да, наверное, его личная судьба будет трагичной, как и судьба всей Сирии. Не исключено вообще ее исчезновение с карты мира. Но то, как он держится уже почти год — фактически в одиночку, имея крайне незначительные ресурсы и минимальную поддержку России и Ирана, противостоя американским деньгам, европейскому безумию, саудовским инструкторам и пакистанским диверсантам, противостоя волне хаоса и разрушения — вызывает большое уважение.

Встает смешной вопрос: в чем геополитическая стратегия Израиля? Неужели в том, чтобы остаться в окружении враждебных режимов, ни с одним из которых — даже с *ручной* Иорданией — вероятно, вскоре нельзя будет вести какого-то, даже самого ограниченного диалога? Именно так! Ведь только будучи в окружении режимов, по сравнению с которыми даже *Хамас* уже выглядит вполне либерально, можно будет сплотить израильское общество, которое начинает задавать своей элите крайне неприятные вопросы. В частности, как так получилось, что государство, которое начиналось как общинное, как государство социальной справедливости тихо и мирно превратилось в классическую олигархию, управляемую полудюжиной семей с известными фамилиями, значительная часть членов которых уже давно не живет в Израиле и тем более не держит там свое состояние. Как еще, если не формированием — причем на реальной основе — идеологии *осажденной крепости* можно справиться с растущим недовольством большей части общества? Поэтому, несмотря на все прогнозы очень уважаемых политологов, израильская элита не слишком озабочена и огорчена крушением дружественных или нейтральных режимов в арабских странах и, вероятно, кое в чем помогает их крушению.

Проблема только в том, что, судя по всему, израильская элита переоценивает степень готовности общества сплотиться вокруг нее даже в ситуации явной внешней угрозы, а главное — исходит из незыблемости постулата о своем военном превосходстве, который был основой всей израильской политики в сфере безопасности последние 25 лет. Конечно, по формальным признакам это превосходство сохранится и далее, но ведь не в нем дело. Дело в настроениях, и эти настроения не сулят Израилу стратегически ничего хорошего. Ведь одно дело — противостоять в той или иной степени арабским элитам: как правило, неумным, жестоким и одновременно трусливым, вороватым и жадным. Другое — бороться с арабской *улицей*, которая, конечно, необразованна до крайности, однако решительна и считает именно Израиль виновником всех своих проблем. И тут одна надежда — на то, что *Америка не сдаст*. И хотя США сдавали всех своих союзников, думаю, это все же не тот случай. Другой вопрос, что теперь выживание Израиля будет зависеть от отношений США с ваххабитской Саудовской Аравией, а ощущать себя разменной монетой Тель-Авиву вряд ли понравится. А у любого геополитического предприятия есть определенная динамика. И эта динамика такова, что может затянуть в свой водоворот любого, тем более Израиль, собственные ресурсы которого весьма скромны. Во всяком случае, перед израильским обществом и элитой встает очень неприятный и жесткий вызов, и исходит он явно не из Тегерана.

С этой точки зрения понятно и поведение Турции. Турецкая элита доказала, что является одной из наиболее четко чувствующих перемену ветра. Турции недодали. Турция делает самозащитный превентивный шаг. Турция более не может рассчитывать на обеспечение экономического роста за счет внешних финансовых источников, сиречь за счет встраивания в процессы экономического роста в Европе. Да и вообще, нынешняя геополитика Турции демонстрирует стремление Турции к тому, чтобы строить свою внешнюю политику и экономику *как бы* без Европы. Обратите внимание на утрированно раздутый турецко-французский скандал, который был сразу же переведен Анкарой в плоскость последствий для французских инвесторов. Конечно, речь не идет пока о том, что Турция, так настойчиво стучавшаяся в дверь Евросоюза, решила эту дверь захлопнуть. Это сейчас для Анкары политически нерентабельно, да и экономически может оказаться очень накладно. С другой стороны, очевидно, что Турция пока еще в не очень жесткой форме показывает и Европе, и США и прежде всего Израилу, что будет, если... А кстати, кто-нибудь может сказать, что еще должно случиться, чтобы наступило это *если*?

КОНЕЦ КАЗАХСТАНСКОГО ЧУДА, ИЛИ ПРОВЕРКА НА ПРОЧНОСТЬ

Можно было бы просто сказать, что истоком возникшей нестабильности в Казахстане, которая, как мы все понимаем, не ограничивается городком Жанаозеном, а началась еще полтора года назад с серии непонятных поджогов в южных

Халил Каравели (Турция), руководитель проекта по Турции института по изучению Центральной Азии и Кавказа при университете Джона Хопкинса — по электронной почте из Стокгольма: Турция вновь стремится переориентировать свою внешнюю политику под западные ценности. Анкара отстранилась от ситуации в Сирии, а решение присоединиться к созданию единой европейской ПРО НАТО и разместить у себя радиолокационные установки подтвердило, что метания страны между Западом и Востоком преодолены в пользу первого. ПРО в Европе создается прежде всего для защиты от Ирана. Участие Турции в проекте свидетельствует, что турецко-иранское противостояние, которое по сути никогда не прекращалось, переходит в открытую фазу. Турция и Иран отныне враги. Конфронтация между двумя крупными игроками на ближневосточной *шахматной доске* будет иметь весьма серьезные геополитические последствия. Активизация на юге Турции боевиков Курдской рабочей партии, поддерживаемых Ираном и Сирией, — первые признаки этой конфронтации.

областях страны, которые затем как-то странно сменились столь же непонятными взрывами у административных зданий, стала борьба казахских кланов. И это будет правдой. Можно сказать, что причиной произошедшего стало ожидание скорого ухода на покой бессменного лидера страны, что расслабляющим образом действовало на окружающих, решивших *урвать* по максимуму, пока еще дают. Можно сказать, что причиной казахстанских событий, которые не только не начались в Жанаозене, но и не закончились там, стало непропорциональное распределение эффекта *казахстанского экономического чуда*, когда одни уже интегрировались на роллс-ройсах в европейскую цивилизацию, а другие продолжают топить юрты кизяком. И это тоже будет правдой. Можно поглумиться над казахстанским лидером, который получил проблему, едва успев нанять советником всемирного *вестника беды* — Тони Блэра, успевшего схоронить в прямом и переносном смысле уже не одного клиента. В любом случае ясно, что по витрине, в которой показывали достижения правления Нурсултана Назарбаева, нанесен хотя и не смертельный, но мощный удар. Мораль: витрина, помимо того, что за ней очень хорошо скрывать реальность, обладает тем неприятным свойством, что всегда привлекает кого-нибудь бросить в нее камнем.

Возникновение проблем в Казахстане намекает на провал единственной более или менее успешной программы *догоняющей модернизации* на постсоветском пространстве. Все остальные национальные проекты модернизации в постсоветских государствах либо не начинались, либо откровенно не удались, либо на фоне того, что демонстрировал Казахстан в последние годы, выглядят откровенно убого. И при этом важно обратить внимание на два обстоятельства.

Первое. Нестабильность в Казахстане началась в период, когда цены на сырьевые товары держались на относительно комфортном для экономики этой страны уровне. Иными словами, нестабильность началась не только до начала минимально ощутимой фазы глобального экономического кризиса, но и, в принципе, вне его контекста. Вопрос заключается не в том, что экономическая ситуация стала хуже — а хуже она в Казахстане пока не стала, это, вероятно, произойдет к концу 2012 г. Хотя, конечно, в условиях перманентного ожидания ухода Нурсултана Назарбаева стремление к обогащению у казахстанской элиты начало переходить грань разумного. Вопрос заключается в том, что даже ожидание ухудшения экономической ситуации превращает притухшие было межклановые противоречия в среде титульного народа в источник политического взрыва. И это пока еще без всякого участия в разборках нетитульного населения.

Межди Санаи (Иран), доктор политологии, руководитель Центра по изучению России, Центральной Азии и Кавказа — по телефону из Тегерана: Решение Турции разместить у себя элементы американской ПРО — еще один негативный фактор, угрожающий безопасности не только Ирана, но и всего Ближнего Востока. Примечательно то, как США манипулируют данной тематикой: Россию они убеждают, что система ПРО создается против Ирана, когда же речь идет о безопасности относительно новых членов НАТО, открыто заявляется, что ПРО создается для защиты от России. Очевидно, что достичь мировой стабильности в отсутствии консенсуса между субъектами международных отношений становится практически неосуществимой задачей.

Второе. С самого начала событий в Жанаозене обозначился силовой компонент, причем с обеих сторон. Едва ли кто-то будет всерьез отстаивать версию о полной стихийности протестов. Помимо протестующих, активное участие в событиях принимали организованные и вооруженные боевики. То есть к событиям в Жанаозене готовились и готовились загодя. Налицо изначальное желание участников политического процесса в Казахстане *пойти на кровь*. Почему? Вероятно, потому, что кровь имеет тенденцию смывать все ранее взятые обязательства. А их казахстанская элита, судя по всему, набрала столько и перед таким количеством контрагентов, что дешевле и проще устроить внутри страны побоище, чем пытаться их выполнять.

Не стоит злорадствовать: дело в том, что нестабильность в Казахстане, даже если она будет происходить в сравнительно мягких формах (хотя исключать возможность какой-нибудь очередной *цветной революции* и нельзя) существенно изменит положение России и состояние российских интересов в одном из важнейших регионов. Причем изменит ситуации там и тогда, когда Россия не сможет проигнорировать эти события, даже если очень этого захочет. А вот готовность российского руководства действовать в данном регионе жестко и тем более на опережение вызывает большие сомнения.

КНДР В НОВОМ ФОРМАТЕ

Как-то сложно воспринимать комментарии политологов о последствиях *неожиданной смерти* Ким Чен Ира. Сложно хотя бы потому, что этой смерти ожидали уже года два и сильно удивлялись тому, что корейский лидер еще жив. В любом случае, все серьезные игроки и в регионе, и за его пределами, были готовы к переменам в Пхеньяне. Хотя, конечно, любой, кто говорил и продолжает говорить о том, что понимает, что происходит в самом закрытом государстве мира (после Ватикана, конечно) либо лукавит, либо неадекватно воспринимает себя. Особенно поразительно, что стратегические выводы делаются на основе высказываний людей, которые известны своей не то чтобы экзотичностью, но уже откровенной неадекватностью. Вызывает удивление, что в западных СМИ в качестве *достоверного источника* стал выступать старший сын Ким Чен Ира Ким Чен Нам, который мало того, что на родине бывает очень редко, так еще и клеймился несколько лет назад этими же СМИ как бездарь и разложенец. Главное же — Ким Чен Нам не может быть допущен в принципе к какой-либо информации о том, что происходит в верхах в Пхеньяне.

В том, что касается ситуации в КНДР, многие наблюдатели допускают одну системную ошибку. Рассуждая о том, что Ким Чен Ын не будет иметь всей полноты власти, они забывают и о том, что всей полноты власти не имел, несмотря на все положенные почести, и Ким Чен Ир. Несмотря на то что он пришел к власти уже во вполне

зрелом возрасте, Ким Чен Ир был уже не императором — каковым, конечно, был Ким Ир Сен, а скорее президентом, то есть фигурой, в своих действиях ограниченной не только формальными обстоятельствами, но и раскладом сил в элите. Именно при Ким Чен Ире началось усиление семейного фактора в управлении КНДР. Да и сам Ким Чен Ир вел себя не как божество, снисходящее до граждан, а как где-то даже *свой парень*. Достаточно посмотреть на то, как он одевался. К тому же еще с начала нулевых все политологи говорили о резком усилении влияния армейских кругов в КНДР, которые, вероятно, должны были потеснить партийную номенклатуру. Поэтому ничего принципиально для страны не поменяется, если Ким Чен Ын поначалу будет не президентом, а просто генсеком, который будет вынужден обсуждать вопросы с Политбюро.

Другой вопрос, что в меняющемся мире КНДР придется искать новый *modus operandi*. Роль *мелкого злодея*, конечно, еще некоторое время будет оставаться рентабельной, однако на фоне крупнейших геополитических сдвигов, которые происходят в других регионах мира и возможности замедления китайской экономики, что отзовется проблемами в Восточной Азии в целом, прежняя модель выживания может оказаться уже неэффективной. И вот это ключевой вызов для северокорейской элиты и Ким Чен Ына. Не факт, что Пхеньян справится с этим вызовом так же успешно, как он обеспечивал свое выживание в последние 20 с лишним лет. Но если Ким Чен Ыну удастся найти такой *modus operandi*, тогда он, безусловно, превзойдет своего отца, приблизившись по своему статусу к почти недостижимому деду. И в этом поиске ядерное оружие или убедительная имитация его существования — очень неплохое подспорье, надо его только с умом использовать.

НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ СЕГОДНЯ: ПУЧОК ДИЛЕММ И СОМНЕНИЙ

Конечно, на фоне тектонических событий, которые происходят в мире в последний год, проблематика ядерного нераспространения блекнет. Если бы не постоянное нагнетание напряженности вокруг иранской ядерной программы, к слову сказать, успешно и с каким-то странным удовольствием осуществляемое всеми участниками этого действия, про нераспространение все (ну, может быть за исключением авторов и читателей этого журнала) будто уже давно забыли. А зря.

В действительности, несмотря на множество критических комментариев, международный режим нераспространения ядерного оружия проявил себя сравнительно эффективно в пределах тех возможностей и ресурсов, которые в него были заложены. Режим дезавуировал ядерные амбиции, которые имели страны, не обладавшие достаточными ресурсами, и заставил трезво взглянуть на вещи страны, которые не обладали достаточной политической волей к созданию ядерного оружия. А главное, режим серьезно замедлил процесс создания ядерного оружия странами, которые имели и ресурсы, и политическую волю.

Как ни странно, классическим примером эффективности современного режима нераспространения ядерного оружия является Иран. Еще в 1995–1996 гг. общим в оценках политологов было утверждение о том, что Иран будет способен создать собственную атомную бомбу через 5–10, максимум 12, лет, а строительство АЭС *Бушер* этот процесс ускорит. Прошло более 15 лет, АЭС *Бушер* построена, но атомной бомбы Иран пока не создал, несмотря на серьезные усилия, более того, он находится во все тех же заветных 5–10 годах от получения военного ядерного потенциала. И в этом заслуга не столько США, которые в действительности сделали все возможное для того, чтобы еще больше укрепить существующий в Иране национальный консенсус по поводу жизненной необходимости обладания ядерным оружием, сколько именно *международного режима нераспространения*.

Конечно, международный режим нераспространения несовершенен. Конечно, он был сформирован в условиях биполярности, а совершенствовался в условиях явной и агрессивной монополярности. Он явно несостоятелен применительно

к условиям реальной геополитической многополярности. Но это оборотная сторона стремления не оказать дестабилизирующее воздействие на всю систему нераспространения, которой следовали сторонники бессрочного и безусловного продления ДНЯО. Возможно, это было ошибкой, совершенной из благих и рационально оцениваемых побуждений. Сейчас мировое сообщество не готово к тому, чтобы реально обсуждать возможности развития заключенного более 40 лет назад договора. Но не исключено, что еще лет через 10 настроения все же изменятся. А в современном состоянии у стран, которые не довольны договором, есть только одна альтернатива — его нарушать, не дожидаясь пересмотра.

По сути, если говорить в целом, выделяются три ключевые проблемы, касающиеся режима нераспространения в современном его виде.

- ❑ **Политизированность.** Проблематика нераспространения стала частью геополитической игры. Конечно, такое положение существовало и раньше, но никогда политизированность темы нераспространения не была столь значительной и явной.
- ❑ Из политизированности произрастает вторая проблема — **отсутствие вписанности режима нераспространения в современную экономическую картину мира.** Дело не только в том, что международный режим нераспространения не был рассчитан на ситуации, подобные фукусимской (хотя, конечно, можно было бы уделить больше внимания вопросам технологической безопасности и физической защиты ядерных установок, а не тратить время и деньги на исследования того, сколько боеголовок украли из арсеналов Советского Союза). Нынешний режим нераспространения ядерного оружия не содержит в себе инструментов управления экономической стороной нераспространения. И это несмотря на то, что при создании МАГАТЭ элемент экономического управления в мандат этой организации закладывался. Именно поэтому, нравится нам или нет, система нераспространения ядерного оружия почти не сыграла роли в управлении процессами глобального атомно-энергетического ренессанса, который был скропостижно прерван Фукусимской аварией. Да прерван так быстро, что очень многих взяло сомнение — а был ли ренессанс, или же это была еще одна пиарская мулька.
- ❑ Третья проблема, — это **зависимость от национальных средств мониторинга и интерпретаций получаемых данных.** МАГАТЭ не стала организацией, которая сама получает информацию и сама может ее корректно оценить. В конечном счете вся информация, которая сходит в МАГАТЭ, исходит из национальных источников и несет на себе солидный отпечаток интересов конкретных стран в конкретных обстоятельствах, в том числе и интересов, связанных с дезинформацией. Так может, МАГАТЭ и не стоит выступать в виде наднационального органа, во всяком случае пока? Может быть, стоит ограничить себя рамками обычной межгосударственной организации, которая является всего лишь трибуной для своих стран-членов и не стремится присвоить себе какую-либо самостоятельную роль. В конечном счете главными сдерживающими факторами для потенциальных нарушителей режима нераспространения является не гнев МАГАТЭ, а проблемы в политических и экономических отношениях с ведущими государствами мира, сиречь с клубом ядерных держав и еще 4–5 крупнейшими экономическими игроками.

Но вот вопрос, который не дает покоя: очевидно, что система если не полного нераспространения, то, как минимум, ограничения распространения ядерного оружия и соответствующих технологий работает, несмотря на все наши к ней претензии. Так, может быть, в принципе стоит отказаться хотя бы на время от постоянных креативных *вбросов* насчет того, что бы еще в системе подправить, чем бы еще дополнить, что бы такое новое придумать? Ибо не сломанное — не чинят и тем более не ломают.

И КАКАЯ В ФИНАЛЕ ПРЕБУДЕТ МОРАЛЬ?

Вы давно не были в российских книжных магазинах? Давно? Напрасно, ибо книжный магазин, вернее его ассортимент, в значительно большей мере, нежели те же социальные сети, отражает настроения в обществе. Поскольку для того, чтобы *трепать*ся в социальных сетях, нужна всего лишь куча свободного времени. Для того чтобы почитать книгу, нужно ее сперва купить (даже в электронном варианте), то есть произвести определенное усилие над собой, а также совершить затраты, социально не оправданные по меркам нашего времени. Так вот, наряду с привычными Донцовой и Устиновой вы с удивлением обнаружите постоянно растущий пласт совершенно нового типа литературы — альтернативной истории, в том числе и того, что на *новоязе* называется *литература попаданцев*. Это рассказы о том, как бы поступил современный человек, будучи перенесенным в далекое или не очень далекое прошлое. Таких книг уже не десятки — их сотни, и каждую неделю их становится больше. И такие книги читают, вчитываются в них и активно обсуждают, причем не только завсегда на национал-патриотических форумах в интернете, но и вполне системная, почти респектабельная, публика.

Не вдаваясь в обсуждение исторической и литературной ценности данных опусов (а среди них есть и полный бред, и вполне адекватные в историческом и художественном плане вещи), остановлюсь на общественной составляющей данного явления. Массовое распространение альтернативной истории и рост спроса на нее означает, что значительная, образованная и социально активная часть общества считает, что живет в неправильной реальности и готова думать — пока еще только думать — как эту реальность изменить. И эта общественная тенденция — мечта о сильной, уважающей себя стране с вменяемой элитой — рано или поздно выйдет за пределы книг и интернет-форумов. И тогда потешный бунт *офисного планктона* на Бродской площади покажется детской шалостью. По сути стремление *поменять реальность* стало результатом *движения без вектора*, которое наша страна успешно демонстрирует в последние пять-семь лет. А ведь *движение без вектора*, в принципе допустимое в условиях относительной стабильности и видимого благоденствия, становится угрозой самому факту существования страны, если происходит в период, когда вокруг постоянно возникают различные кризисные ситуации. На таком фоне даже неуклюжие действия нового посла США в России Майкла Макфола становятся источником беспокойства и нервозности среди всех политических игроков на российской сцене.

Отрешимся от темы выборов (хотя это сложно, поскольку каждый политолог должен бросить свой камень в этот огород). Посмотрим на ситуацию в России с точки зрения способности ее элиты к адекватному реагированию на военно-политические, которые в последние три-четыре месяца обозначились по ее периметру. Возникает странное ощущение, что проблемы военно-политической безопасности страны никому не интересны, и если просыпается даже минимальный интерес к этим проблемам, то он обнажает профессиональную несостоятельность и полное отсутствие системности мышления. Об этом можно судить по *беззубой, халтурной* концепции национальной безопасности России, тратить время на обсуждение которой просто не хочется.

Ситуация в российской военной сфере становится уже совсем не приличной. За последние несколько лет — под разговоры о закупках военной техники за рубежом — наш оборонпром умудрился, постоянно скандаля с Министерством обороны, не продемонстрировать ни одного по-настоящему нового образца вооружения, за исключением нескольких фактически муляжей самолетов то ли пятого, то ли *не совсем пятого* поколения. И это на фоне последовательно проигрываемой битвы за космос и настораживающей ситуации в стратегических оборонных силах. Иными словами, весь пар обновления военной сферы ушел в гудок, и с военно-политической точки зрения у России возникли такие уязвимости, которые грех не использовать не только нашим противникам, но даже нашим партнерам. Ну как, скажите, не использовать против России ситуацию, которая складывается в Казахстане? Как не превратить в инструмент давления все больше

расширяющееся *окно уязвимости* в стратегических силах, связанное с фактической утратой — хотя бы и на некоторое время — потенциала морского компонента СЯС? Как не использовать откровенный развал космической отрасли, для восстановления минимальной эффективности которой требуется человек масштаба Лаврентия Берия и его же жестокости? По сути то, что мы наблюдаем в сфере оборонной промышленности, дает глубокую и печальную почву для размышлений, идущих дальше констатации неизбывного стремления наших начальников пропигариться. Ситуация показывает, что система утратила способность осознавать и выделять приоритеты. И это в момент, когда к нашим границам уже *вовсю подъезжает демократия*. То есть наряду со способностью выбирать приоритеты утрачен инстинкт самосохранения.

События последних месяцев показали, что проблемы в сфере безопасности и обороноспособности страны носят системный характер, а не являются проявлением *дефекта исполнителя*.

Российская политика *нулевых*, выродившаяся в борьбу кланов за распил бюджета, была обречена. Кстати, в действительности обречена она оказалась в силу того, что так называемый *путинский консенсус* стал выражать интересы все сокращающегося спектра элитных сил и оказался настолько неспособен к обновлению, что уже не мог считаться консенсусом даже самыми ангажированными *ура-путинистами*. Главная же проблема ситуации в настоящее время в том, что ни власть, ни те, кто противостоят власти, не способны сформулировать *вменяемое видение будущего*, которое бы стало интересно для страны, для большинства ее населения. А если нет видения будущего, то все, что остается — изображать кипучую деятельность на ровном месте и решать тактические задачи, которые почти всегда сводятся к тому, чтобы что-то у кого-то *урвать*. Пока этот совершенно очевидный идейный тупик не будет преодолен, говорить о каком-то поступательном развитии страны как минимум наивно.

Неудачливым российским правителям хорошо бы сделать вывод из нынешней ситуации. Вывод банальный, но тем не менее не пришедший пока им в голову: может быть, и неплохо, что в преддверии надвигающейся новой волны глобального экономического кризиса Россия продолжает оставаться в не очень-то завидном статусе сырьевого придатка стран Запада. Это снимает многие головные боли, связанные с неясностью будущего отрасли высоких технологий и машиностроения в принципе. Это, конечно, замечательно, учитывая общий интеллектуальный уровень современной российской элиты, но беда в том, что большая политика появляется там и тогда, когда есть большая экономика. Если экономика маленькая, не развивающаяся, сконцентрированная вокруг распила не очень в сущности большого бюджета и сидения на не очень толстой трубе, то и политика будет почти микроскопическая. Как раз по размеру Болотной площади или Лиговки.

Дмитрий Евстафьев

Примечания

¹ Времена меняются и мы меняемся вместе с ними.

² Implementation of the NPT Safeguards Agreement and relevant provisions of Security Council resolutions in the Islamic Republic of Iran. Report by the Director General. IAEA. GOV/2011/65. 8 2011, November. Pp. 6–7.

³ Iranian nuclear bid could provoke attack: Sarkozy. 2011. August 31; <http://www.france24.com/en/20110831-iranian-nuclear-bid-could-provoke-attack-sarkozy> (Последнее посещение — 13 февраля 2012 г.).

⁴ Bloomfield Adrian. Ehud Barak refuses to rule out military strike against Iran. *The Telegraph*. 2011. November 6; <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/israel/8873009/Ehud-Barak-refuses-to-rule-out-military-strike-against-Iran.html> (Последнее посещение — 13 февраля 2012 г.).

- ⁵ Remarks by the President in State of the Union Address. 2012. January 24.
- ⁶ Iran. Country analysis brief. 2011. November; <http://www.eia.gov/EMEU/cabs/Iran/pdf.pdf> (Последнее посещение — 13 февраля 2012 г.).
- ⁷ Ibid.
- ⁸ Ultima ratio regum — последний довод короля.
- ⁹ В отличие от суннитов шииты верят, что следующий имам — или мессия — существует в некоем скрытом виде в современном мире. См., например: Alfoneh Ali. Ahmadinejad versus the Clergy. *AEI Online*. 2008. August 21; <http://www.aei.org/outlook/foreign-and-defense-policy/regional/middle-east-and-north-africa/ahmadinejad-versus-the-clergy/> (Последнее посещение — 13 февраля 2012 г.).
- ¹⁰ Хаменеи пообещал удалить «раковую опухоль» сионистского режима. 2012. 3 февраля; <http://www.jewish.ru/news/world/2012/02/news994304403.php> (Последнее посещение — 13 февраля 2012 г.).
- ¹¹ Israel. Military balance files. Institute for National Security Studies, Tel-Aviv University; [http://www.inss.org.il/upload/\(FILE\)128498651.pdf](http://www.inss.org.il/upload/(FILE)128498651.pdf) (Последнее посещение — 13 февраля 2012 г.); The Military Balance 2010. IISS. 2010. February. P. 256; World Air Force 2011/2012. Special report. Flight International. Flightglobal/Insight. P.17
- ¹² См. Гельман Захар. Гремучая смесь ближневосточного противостояния. *Независимое военное обозрение*. 2012. 12 февраля; http://nvo.ng.ru/wars/2012-02-10/1_smes.html?mpril (Последнее посещение — 13 февраля 2012 г.).
- ¹³ Design Characteristics of Iran's Ballistic and Cruise Missile Inventory. NTI; <http://www.nti.org/country-profiles/iran/delivery-systems> (Последнее посещение — 13 февраля 2012 г.); Iran. Military balance files. Institute for National Security Studies, Tel-Aviv University; [http://www.inss.org.il/upload/\(FILE\)1317902891.pdf](http://www.inss.org.il/upload/(FILE)1317902891.pdf) (Последнее посещение — 13 февраля 2012 г.); The Military Balance 2010. P. 252.
- ¹⁴ IEA Response system for oil supply emergencies. International Energy Agency. 2011. P. 11
- ¹⁵ Ibid. P. 7.
- ¹⁶ Заявление Президента в связи с ситуацией, которая сложилась вокруг системы ПРО стран НАТО в Европе. 2011, 23 ноября; <http://www.president.kremlin.ru/news/13637> (Последнее посещение — 13 февраля 2012 г.).
- ¹⁷ Минобороны назвало заявление Медведева по ПРО призывом к диалогу. РИА Новости. 2011. 25 ноября; http://ria.ru/defense_safety/20111125/497609066.html (Последнее посещение — 13 февраля 2012 г.).
- ¹⁸ Генштаб не исключает, что локальные конфликты у границ России могут перерасти в войну с применением ядерного оружия. *Interfax*. 2011. 17 ноября; <http://www.interfax.ru/politics/news.asp?id=217215> (Последнее посещение — 13 февраля 2012 г.).
- ¹⁹ Минобороны разместит комплексы С-400 на границе России. 2012. 13 февраля; <http://news.rambler.ru/12786168/> (Последнее посещение — 13 февраля 2012 г.).
- ²⁰ Quantité négligeable — пренебрежимо малая величина.
- ²¹ Рябков Сергей. Интервью: Российско-американские отношения на новом этапе. *Эхо Москвы*. 2012. 26 января; <http://www.echo.msk.ru/programs/beseda/851949-echo/#element-text> (Последнее посещение — 13 февраля 2012 г.).
- ²² Rogozin Дмитрий. Выступление в эфире радио *Эхо Москвы*. 2012. 19 января; <http://www.echo.msk.ru/programs/exit/850246-echo/> (Последнее посещение — 13 февраля 2012 г.).
- ²³ Арбатов Алексей. Эскалация противоракетных дебатов. *Независимая газета*. 2012. 30 января; http://www.ng.ru/politics/2012-01-30/3_kartblansh.html (Последнее посещение — 13 февраля 2012 г.).